

Лю Цинсянь вздрогнул и резко обернулся. Дао Сяово уже вскочил с кресла: упёршись правой ногой в пол, а левую поставив на край сиденья, он перекинул через плечо тяжёлую саблю Динхоу и свирепо уставился на них.

Его недавняя ленивая расслабленность испарилась без следа. Аура убийства, скрытая в скупых, сдержанных движениях, ощущалась почти физически. Лю Цинсянь понимал: стоит ему хоть раз оговориться, и старший брат окончательно потеряет контроль, обрушив на них всю свою ярость.

Цинсянь осторожно заслонил собой Инь Сюаньни. Взглянув на собственное запястье, он похолодел от внезапного озарения — когда он оборвал рукав, то невольно выставил напоказ ярко-алую метку.

Ещё перед воротами Пэй Нинъюнь предупреждал, чтобы он ни в коем случае не показывал этот знак старшим братьям. Тогда Цинсянь не придал его словам значения, но теперь, под громогласный рёв Дао Сяово, осознал, что дело принимает скверный оборот.

— Старший брат Дао, к чему такие крайности? — выдавил он слабую улыбку, хотя в душе всё трепетало от страха.

— Ты ещё спрашиваешь?! — Дао Сяово вскинул брови, едва сдерживая вспышку гнева. — Лучше спроси этого мальчишку-полукровка, что он с тобой сотворил!

«Всё, он в бешенстве».

Не успев толком осмыслить слова брата, Цинсянь бросил полный отчаяния взгляд на главу ордена, ища поддержки.

Цзи Сяочжун стоял подле Дао Сяово и хранил тягостное молчание, медленно обнажая свой меч Тунчэнь.

Лю Цинсянь замер.

Вэнь Цзиньлуань и Пэй Нинъюнь, которые уже были в курсе ситуации, лишь обменялись многозначительными взглядами и сокрушённо покачали головами.

Ограждая Инь Сюаньни, Цинсянь старался сохранять невозмутимый вид, хотя внутри у него всё клокотало от паники. Он принялся яростно вызывать Систему:

«Система, вся надежда только на тебя! Объясни немедленно, что здесь происходит?!»

Ответа не последовало, но он почувствовал, как кто-то сзади вцепился в его рукав.

— Учитель...

Цинсянь обернулся. Инь Сюаньни смотрел на него снизу вверх; он был бледен от ужаса, а голос дрожал так сильно, что слова едва складывались в фразы.

Мальчик тщетно пытался стереть метку пальцами:

— Учитель, простите... Я не хотел, я правда не нарочно...

— Не нарочно?! — ярость Дао Сяово вспыхнула с новой силой. — Ты — часть племени демонов! Неужели ты не знаешь, при каких обстоятельствах появляется этот знак?!

Цинсянь окончательно запутался.

Наконец Система соизволила подать голос:

«Эх, хозяин, зря ты не послушал Пэй Нинъюня. Теперь ты вляпался в по-настоящему грязную историю».

— Хватит загадок, говори прямо! — мысленно рявкнул Цинсянь.

«Это тотем демонического контракта, дорогой хост. Вспомни-ка „Апокалипсис Небесного Демона“. Разве в главе, где Син Яньчжу охмурял девицу из расы демонов, не упоминалось нечто подобное?»

Перед глазами Лю Цинсяня развернулись строки из оригинального текста:

«Апокалипсис Небесного Демона», глава 213.

Жуань Иннин преданно смотрела на Син Яньчжу. В её голосе звучала невыносимая горечь: «Брат Яньчжу, знаешь ли ты? Если кто-то из нашего племени хочет навеки удержать возлюбленного, он оставляет на его теле демоническую метку. Куда бы этот человек ни отправился, он всегда будет под надзором. Демон сможет выследить его и подчинить, и спасения от этих уз нет во веки веков. Стоит пробудить тотем — и воля человека утонет в неодолимой страсти. Так ты никогда не сможешь покинуть меня».

Син Яньчжу нахмурился, собираясь возразить, но Жуань Иннин сквозь слёзы улыбнулась: «Однако, брат, я не желаю накладывать на тебя это заклятие. Какой смысл силой держать тебя рядом, если я не смогла завоевать твоё сердце?» С этими словами она развернулась и ушла.

Лю Цинсянь оцепенел.

«Этот знак проступил, пока ты был в беспамятстве. Вэнь Цзиньлуань и Пэй Нинъюнь заметили его, как только доставили тебя в орден. Так что виновник очевиден», — в голосе Системы послышалось неприкрытое злорадство. — «Можешь себя поздравить. На этот раз тебе удалось покорить сердце Инь Сюаньи гораздо быстрее».

— Что за чушь ты несёшь! — Цинсянь едва не взорвался от негодования. — Он же ещё совсем ребёнок! Он сам сказал, что не хотел этого!

Инь Сюаньи ловил каждое изменение в выражении лица учителя. Заметив, как тот омрачился, мальчик решил, что вызвал у него лишь отвращение. Последние искорки надежды в его глазах угасли. Он бессильно разжал пальцы, отпуская рукав Лю Цинсяня, и повернулся к высокому помосту, где восседали пиковые лорды.

— Я... я признаю свою вину. Прошу господ о наказании.

Цинсянь, очнувшись от нахлынувшего потока информации, вздрогнул и поспешно схватил его за руку:

— погоди, не спеши. Сначала нужно во всём разобраться.

Услышав это, Дао Сяово с такой силой вогнал свою Саблю Динхоу в каменное основание кресла, что по древнему чёрному нефриту, не поддававшемуся столетиям невзгод, побежала глубокая трещина.

— Ты всё ещё защищаешь его?!

Гнев владыки Пика Чжаньлэй отозвался эхом в горах, заставляя небеса содрогнуться. У подножия помоста ученики замерли, боясь даже поднять голову.

Лицо Цзи Сяочжуна тоже оставалось суровым. Положив руку на плечо Дао Сяово, он обратился к Цинсяню:

— Младший брат Лю, хоть мы, идущие по пути Дао, и должны быть беспристрастны ко всему существу, но взгляни на факты. Этот юнец сначала явился к нам как паразит в теле Небесного Демона, затем обманом завоевал твоё сочувствие, приняв облик невинного ребёнка. И наконец, убедившись, что ты подставишь за него голову, он «случайно» наложил на тебя демонический контракт. Такая черед лжи не может не внушать опасений.

Дао Сяово высказался ещё резче:

— Не забывай: у тех, кто не принадлежит к нашему роду, и помыслы иные. Испокон веков ни один демон или полукровка не обходился без тёмных искусств. Эта метка не только даёт ему власть над тобой, но и позволяет следить за каждым шагом ордена. Если у него на уме дурное, он сможет привести в наши горы тысячи тварей и сокрушить Линьцан!

Стоящие внизу ученики, услышав об истинной природе Инь Сюаньши, преисполнились страха и омерзения. Их взгляды, острые, как клинки, вонзались в мальчика, словно они желали прикончить его прямо здесь, во славу небесного правосудия.

«Я же говорил тебе, что ты свернул не туда», — голос Системы звучал равнодушно. — «Если тебе было так жалко его из-за событий прошлой жизни, стоило просто указать ему дорогу в степи Даоэ. Пусть бы искал своих сородичей и прожил эти десять лет в своё удовольствие. И даже если бы в назначенный судьбой день он пал от руки главного героя, это всё равно была бы не самая плохая жизнь».

«Но ты потащил его в Линьцан. Вот и расплачивайся».

Система внезапно сменила тон на беззаботный:

«Впрочем, так даже лучше. Если злодей погибнет здесь, пока Небесный Демон ослаблен, пиковые лорды легко подавят смуту. Считай, что миссия выполнена досрочно».

У Лю Цинсяня на душе стало тошно. Ошибки первой жизни вновь всплыли в памяти. Неужели и в этот раз каждый его шаг ведёт в бездну?

Однако Инь Сюаньши не желал более видеть, как учитель мучается из-за него. Он сделал два шага вперёд и рухнул на колени перед помостом.

В небесах громыхнуло, раскалывая звёздную реку над головами; воздух наэлектризовался в предчувствии скорого ливня.

— Я не выбирал свою участь, не желал быть сосудом для Небесного Демона, — бледные губы мальчика дрогнули, но голос звучал на удивление твердо. — Моё тело превратилось в тело ребёнка не по моей воле. А что касается тотема... Я — полукровка, и у меня не было наставников, которые обучили бы меня законам моего рода. По неведению я совершил ошибку, наложив Тотем демонического контракта на господина Лю Цинсяня.

Он замолчал на мгновение и обернулся к Цинсяню. В его глубоком, пронзительном взгляде читалась невыразимая преданность:

— Весь спрос с меня одного. Но клянусь небом и землёй: к господину Лю я питаю лишь

глубочайшее почтение. У меня и в мыслях не было оскорбить его!

Чистый и звонкий голос мальчика не дрогнул. Даже Вэнь Цзиньлуань, чьё чутьё на ложь было безупречным, не нашла в его словах ни капли фальши.

Но всё это были лишь слова. Какими бы искренними они ни казались, без доказательств они ничего не стоили.

Лю Цинсянь тяжело вздохнул, глядя на то, как тучи поглощают ночное небо.

«Летучая мышь», — внезапно произнёс он, обращаясь к Системе.

«О чём ты?» — опешила та.

«В этом мире есть существа, которые нигде не могут найти приюта. словно летучие мыши: звери не принимают их за своих, а птицы чуждаются. Жизнь — это путь, и даже если люди расходятся в разные стороны, каждый в итоге встречает попутчика. И только такие, как он, вечно стоят на перепутье. Одинокие. Неспособные уйти, incapable остаться».

Голос Цинсяня был пугающе спокоен:

«Инь Сюань именно такой. Ни человек, ни демон. Если я прогоню его в степи, разве сородичи примут этого жалкого, всеми брошенного ребёнка?»

«Почему ты такой упрямый? Ты указал ему путь, и этого более чем достаточно. Всё остальное — не твоя забота».

В душе Лю Цинсяня вспыхнули ярость и упрямство. Он стиснул зубы:

— А я говорю: моя!

Не медля более ни секунды, он шагнул вперёд и рывком поднял Инь Сюань с колен.

Снова ударила молния. В её мертвенно-бледном свете лица присутствующих казались высеченными из камня. В ту же секунду на землю обрушился яростный ливень.

— Весь этот раздор начался из-за меня, — Лю Цинсянь почтительно сложил руки перед старшими братьями. — А потому я прошу орден дать мне возможность самому доказать его невиновность.

Цзи Сяочжун посмотрел на него с тревогой, но в конце концов молча кивнул.

— Эй! Ты ещё от ран не оправился, что ты задумал?! — Дао Сяово собрался было прыгнуть вниз. — Не марай руки, я сам его прикончу!

Однако Лю Цинсянь не дал ему подойти. Решительным жестом он выхватил меч Чунмин и с силой вогнал клинок в каменные плиты пола.

Золотистые знаки заклинаний поползли по трещинам в камне, и вокруг них с Инь Сюаньи мгновенно вырос сияющий барьер.

Сделав выбор, Лю Цинсянь почувствовал странное облегчение. Он даже невольно усмехнулся про себя: в прошлой жизни Барьер, подавляющий горы, созданный Цзи Сяочжуном накрывал весь Линьцан, а у него самого сил хватило лишь на крохотный клочок земли.

Вэнь Цзиньлуань, догадавшись о его намерениях, вскрикнула:

— Младший брат, одумайся! Давай всё обсудим...

Но Цинсянь не колебался. Резким движением он выдернул меч и вонзил его глубоко в плечо Инь Сюаньи!

Мальчик замер, словно парализованный. Он не пытался уклониться или защититься, позволяя лезвию войти в плоть. Его губы дрогнули, он хотел позвать учителя, но так и не решился, словно потерял право произносить это слово. Инь Сюаньи лишь потерянно смотрел на Лю Цинсяня, а затем, покоровшись судьбе, закрыл глаза.

Струи дождя хлестали по барьеру, словно тысячи стрел. Цинсянь прошептал краткое заклинание, закрывая их обоих от непогоды, но его движения оставались беспощадными. Он без тени сомнения вырвал клинок из плеча мальчика.

Дао Сяово, чей бросок был прерван барьером, вогнал свою Саблю Динхоу в землю и глухо прорычал:

— Он окончательно обезумел...

В следующее мгновение Лю Цинсянь прижал окровавленное лезвие к собственной руке и с силой рванул его на себя. Кровь брызнула фонтаном.